

Ненависть к группе «работники Министерства культуры»: Как в России проходят проверки на экстремизм?

© Colta.ru

Борьба с экстремизмом в России ужесточается из года в год. По данным судебного департамента Верховного суда, только по одной антиэкстремистской 282-й статье УК за последние четыре года были осуждены 839 человек. Причем если в 2011 году суды вынесли 137 обвинительных приговоров, то в 2014-м, когда в статью были внесены последние поправки, их число подскочило до 307. Как рассказали в информационно-аналитическом центре «Сова», от общего числа судебных решений по 282-й статье в период с 2011-го по 2014 год количество неправомερных приговоров составило примерно 6,8%. «Изначально-то хотели, конечно, бороться с экстремистскими проявлениями, а в итоге все, что неуютно, проходит по 282-й», — рассказал нам адвокат Сергей Бадамшин.

О противодействии экстремистской деятельности говорится не только в 282-й статье УК. Составы экстремистских преступлений прописаны сразу в нескольких законах, в том числе в законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 2002 года. В цепочке ведомств по пресечению экстремистской деятельности состоят МВД, ФСБ, Следственный комитет и прокуратура. В МВД сформирован специальный центр «Э», у которого борьба с экстремизмом входит в прямые обязанности. При этом сотрудникам правопорядка активно помогают «бдительные граждане». «Они пишут очень много заявлений, что такой-то материал, возможно, является экстремистским», — утверждает директор информационно-аналитического центра «Сова» Александр Верховский, который много лет занимается проблемами экстремизма в РФ.

Некоторые борцы с экстремизмом предпочитают не действовать в одиночку, направляя жалобы в органы от своего имени, а объединяться в специальные организации. Одна из таких организаций — Лига безопасного интернета. В ней состоят обученные «кибердружинники», которые находят «опасные материалы» в сети и обращаются в Экспертный центр лиги, куда «входят социологи, лингвисты и представители правоохранительных органов», рассказал Кольте председатель правления лиги Денис Давыдов.

По словам Александра Верховского, если заявление поступает от рядового гражданина, то силовики могут «мельком посмотреть» жалобу и отписать, что «признаков экстремизма не обнаружено», но ситуация в корне меняется, когда запрос поступает от государственного служащего или общественного деятеля. В этом случае «проверка неизбежна». Так, например, 10 октября внимание сотрудников управления СК по Москве привлек текст известного блогера Антона Носика. Заявления на медиаменеджера написали сразу два человека — член Общественной палаты РФ Георгий Федоров и юрист Илья Ремесло.

Федоров рассказал, что «следит за деятельностью видных оппозиционеров», поскольку считает их «своими оппонентами». Листая «Живой журнал» Носика, он обнаружил пост «Стереть Сирию с лица Земли». Этот текст он сравнил с «высказываниями лидеров Третьего рейха» и написал жалобу на блогера. «Я хочу, чтобы правоохранительные органы дали правовую оценку словам Носика», — объяснил Кольте смысл своих действий Федоров.

«Я понятия не имею, кто такой этот Федоров, — говорит Носик. — Он может что угодно про меня утверждать. Практика по 282-й статье за последние 13 лет накоплена обширная, по ней проверяли Бхагавад-Гиту, Кицур Шулхан Арух, завещание аятоллы Хомейни, 29 книг Л. Рона Хаббарда, посты в ЖЖ Максима Каца. Я считаю эту практику дикостью, но она прописана в ФЗ 2002 года и не нуждается в моем одобрении».

Эксперт дает отрицательное заключение, заказали второму — и дальше начинают гнать, пока следователь не найдет того, кто даст «нужный ответ».

Впрочем, обращения граждан — лишь подспорье для правоохранительных органов. У того же центра «Э» существует множество методов. «Они могут внедрять агентов, работать через информаторов, мониторить социальные сети», — рассказал глава правозащитной ассоциации «Агора» Павел Чиков. Выявив состав преступления, «эшник» готовит материалы и направляет их в Следственный комитет.

Дальше проводится стандартная процедура. «Поступает материал, следователь его регистрирует. Потом проводится доследственная проверка, а затем принимается решение о возбуждении или нет уголовного дела. Если начинается расследование, то собираются доказательства, которые потом будут представлены суду», — пояснил Кольте адвокат Павел Ясман, который раньше работал следователем в петербургском управлении СК. По его словам, помимо прочих доказательств на суд необходимо представить специальное экспертное заключение. В случае, когда речь идет о тексте, как, например, с постом Носика, этим заключением является лингвистическая экспертиза. «Сложилась практика, что любые дела об экстремизме судьи не принимают, если там нет экспертизы», — утверждает Верховский.

Необходимость специального исследования в памятке «Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста?» под редакцией профессора Михаила Горбаневского описывается так: «В современной России на всех уровнях социальной жизни общества сегодня крепнет понимание, что за слова надо отвечать не в меньшей мере, чем за дела. Текст, речевые произведения все шире используются как *corpus delicti*, так как в них содержатся признаки состава — объективной стороны преступления, совершенного посредством Слова».

Работу с текстами, которые показали подозрительными правоохранительным органам, проводят специальные эксперты. На сайте РФЦСЭ — Российского федерального центра судебной экспертизы при Минюсте — говорится, что «базовым для экспертов является филологическое образование». «Эксперт — это специалист в своей области. Он действует в рамках только своей компетенции, поэтому специальная аттестация здесь не обязательна», — говорит научный руководитель лаборатории юрислингвистики и документоведения Кемеровского государственного университета Николай Голев.

По словам Чикова, материалы на экспертизу могут направлять, к примеру, в Институт русского языка РАН. Но в последнее время, утверждает Голев, правоохранительные органы редко отдают материалы для анализа независимым экспертам. По этим причинам ассоциация лингвистов-экспертов «Лексис», в которой председательствовал Голев, была вынуждена закрыться. Чаше силовики прибегают к помощи подведомственных центров. Главный из них — РФЦСЭ. Там экспертизы для силовиков проводятся в ежедневном режиме.

Результаты экспертизы во многом зависят от того, какие вопросы были поставлены перед лингвистами. Сотрудникам правоохранительных органов в памятке под редакцией Горбаневского даже советуют предварительно проконсультироваться с лингвистом «по всем формулировкам вопросов». К примеру, вопрос «Имеются ли в тексте экстремистские высказывания?» задавать некорректно, поскольку в этом случае происходит подмена описания содержания текста его юридической оценкой, поясняется в «Теоретических и методических основах судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму».

Если вопрос будет сформулирован некорректно, велика вероятность получить следующее заключение: «Данный вопрос выходит за пределы компетенции экспертов-лингвистов». Но иногда правоохранители не удовлетворяются таким ответом и заказывают новую экспертизу. «Одному экспертному учреждению заказали — эксперт дает отрицательное заключение, второму — и дальше начинают гнать, пока следователь не найдет эксперта, который даст ему “нужный ответ”», — говорит адвокат Бадамшин.

Одним из примеров такого «нужного ответа» может служить история с лингвистической экспертизой преподавателя Орловского государственного университета Людмилы Власовой на стихотворение Александра Бывшева, работавшего до недавнего времени учителем немецкого языка в поселке Кромы Орловской области. Свой поэтический текст Бывшев посвятил гражданам Украины после аннексии Крыма. Название стихотворения здесь привести нельзя, поскольку в октябре 2014 года его внесли в список экстремистских материалов.

От общего числа решений по 282-й статье с 2011-го по 2014 год количество неправомерных приговоров составило 6,8%.

«Я написал стихотворение в основном на украинском языке. Затем его перевели и судили не по тексту оригинала, а по переводу», — вспоминает Бывшев. По его словам, на суде «все крутилось вокруг слова “москаль”». «Логика у суда была такая: мы, русские, так понимаем, что “москаль” — это русский. То есть в суде категорически отходили от того, как понимают это слово украинцы. Я предоставлял им самый новый украинско-русский словарь, в котором первое значение слова “москаль” — это солдат, вооруженный человек. То есть москальская банда — это не банда русских, а банда вооруженных людей вообще, — поясняет Бывший. — Там еще была фраза про оккупантов. “Это вы про русских говорите?” — спрашивали меня. Я отвечаю: “Оккупанты — это военные преступники, неважно, какой они национальности”. Потом я уже не выдержал и сказал: ну хотите вы считать себя оккупантами — пожалуйста. Я, допустим, так не считаю».

В экспертизе Власовой утверждалось: «Враждебный характер высказываний по отношению к россиянам в стихотворении проявляется в высказываниях относительно государственных органов России и президента Путина». До самого автора исследования нам дозвониться не удалось. Помимо экспертизы Власовой в рамках гражданского дела Бывшего суду представили еще одну лингвистическую экспертизу и одно экспертное заключение. Затем была проведена повторная лингвистическая экспертиза и сделано еще одно экспертное заключение, причем выводы специалиста из киевского Института языкознания имени А.А. Потебни суд отказался приобщить к делу. В итоге 13 июля 2015 года Бывшего приговорили по 282-й статье к 300 часам обязательных работ, запретили ему в течение двух лет заниматься преподавательской деятельностью, ноутбук конфисковали, а все счета в банке заблокировали.

У 282-й статьи, как говорят правозащитники, есть проблема с составом преступления по части социальной группы, к которой возбуждается ненависть или вражда. В случае Бывшего такой группой были «русские», но в российской судебной практике есть и гораздо более экзотические случаи. К примеру, в 2006 году за ненависть к группе «работники Министерства культуры» к 120 часам исправительных работ был приговорен язычник из Марий Эл Виталий Танаков по делу о книге «Жрец говорит», в которой подвергались критике различные религии, в том числе

христианство. Другой известный пример из числа абсурдных: в 2008 году блогер из Сыктывкара Савва Терентьев получил год условно за призыв сжигать на Стефановской площади города представителей такой социальной группы, как «неверные менты».

В правозащитной среде уже давно призывали внести поправки в антиэкстремистское законодательство, но ситуация начала меняться только ранней осенью 2015 года, правда, не в части «социальных групп». 7 сентября Южно-Сахалинский городской суд признал экстремистской книгу «Мольба к Богу: ее назначение и место в Исламе», содержащую краткие пояснения к аятам Корана. Приговор был вынесен на основании лингвистического исследования экспертно-криминалистического центра УМВД по Сахалинской области, в котором говорилось, что в книге имеются высказывания «в форме утверждения» о превосходстве «группы лиц перед другими людьми на основании их принадлежности и отношения к исламу». Постановление Южно-Сахалинского суда вызвало большой резонанс. «Те, кто вынесли данное решение [судья Перченко и прокурор Билобровец], — это национальные предатели и шайтаны», — прокомментировал в *Instagram* судебный вердикт глава Чечни Рамзан Кадыров, а затем обжаловал решение суда.

В Госдуме было зарегистрировано два законопроекта, запрещающих признавать священные тексты экстремистскими. Первый законопроект в нижнюю палату парламента внес депутат от Чеченской Республики Шамсаил Саралиев, а второй — президент России Владимир Путин. Как нетрудно догадаться, пожелание президента было Госдумой в первом чтении [немедленно удовлетворено](#).

«Но самое разумное предложение поступало уже 150 раз до этой истории, хотя никогда не оформлялось в виде законопроекта. Суть его в том, чтобы перенести подсудность этих дел на уровень судов субъектов Федерации — верховных судов республик и областей. Это не исключает диких решений, и в целом это полумера, но она уменьшит факты хаотического правоприменения», — уверен Верховский.

<http://www.colta.ru/articles/society/8848>